

Хороший научный труд всегда ценен не только предлагаемыми в нём ответами на актуальные исследовательские вопросы, но и теми пробелами в нашем знании, в привычных нам теоретических построениях, которые он, намеренно или нет, подчёркивает. В полной мере это касается и рассматриваемого здесь сборника: его выход подталкивает нас к необходимости, так сказать, инвентаризации наших историографических представлений о реформах раннего Нового времени в России. Объединяющим для составителей и авторов книги, как кажется, стал тезис о принципиальном изменении самих представлений о целях государственной деятельности в Западной Европе этой эпохи. Если в предшествующий период реформа неизменно представлялась как реставрация нарушенного традиционного порядка вещей, то для наступающей эпохи характерно сознательное, открытое и целенаправленное движение к новому. Схожую эволюцию авторы обнаруживают и в России, где на смену реформам (и вообще государственной деятельности) как сохранению и восстановлению «старины» приходит петровский пафос тотального обновления. Не вдаваясь в обсуждение данного тезиса самого по себе, замечу, что из такой постановки, как кажется, неизбежно следуют вопросы, которые не получили своего развития в сборнике (что вполне естественно, учитывая изначально заявленный авторами фокус именно на истории понятий), но которые могут быть принципиальными для дальнейших исследований раннего Нового времени в России. Здесь хотелось бы остановиться на двух наиболее острых, на мой взгляд, из этих вопросов.

Во-первых, это вопрос о том, чем было обусловлено такое параллельное изменение представлений о реформах, о сути государственной деятельности в Западной Европе и в России. Идёт ли речь исключительно об истории идей и интеллектуальных заимствований, о трансфере концепций? Или же подобный параллелизм подразумевает некоторые структурные изменения в обществе, которые и сделали возможным такой трансфер? И если переход к новому пониманию реформ является приметой Нового времени, то в чём, собственно, состоит «нововременность» России накануне петровских преобразований? Что общего в структурном отношении было у России и Франции XVII в.? Приходится признаться, что убедительного ответа на этот вопрос у нас сейчас нет: сформулированные ещё в советской историографии концепции зарождения во второй половине XVII в. в России единого общероссийского рынка и абсолютизма не могут уже удовлетворять современным научным требованиям, но никакого нового системного взгляда на развитие России в предпетровский период за последнее время историографией не выработано.

Это не означает, конечно, что определение «Нового времени» непременно должно выводиться из изменений в социальной структуре общества или в экономике. Вероятно, есть возможность понимать эту эпоху как время построения соответствующих институтов: в этом случае, проведение раннемодерных реформ в области государственного управления, военного дела и проч. становится само по себе сутью эпохи. Однако даже и в этом случае остаётся вопрос, в чём состоят причины и движущие силы этих реформ, крайне болезненных

⁵⁵ Материал подготовлен в ходе выполнения проекта «Трансформация элит и институциональная среда в России Нового времени: источники изучения, междисциплинарные подходы, компаративный контекст» в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2014 г.

и крайне затратных для проводящего их государства? Основным претендентом на роль объясняющего фактора по умолчанию является, видимо, военная необходимость, соперничество с окружающими державами. Однако может ли этот фактор считаться достаточным сам по себе, без анализа экономического, социального и внутривластного контекста реформ, неочевидно. В самом деле, почему Россия пошла по пути раннемодерных реформ раньше, чем Османская империя, которая находилась, пожалуй, даже в более тесном интеллектуальном и военном контакте с Западом?

Ещё более остро данный сборник напоминает нам о совершенно недостаточной изученности механики петровских и в целом раннемодерных преобразований, их движущих сил, факторов, объясняющих успех или неуспех конкретных реформ и выбор тех или иных сценариев их реализации. В имеющейся литературе, посвященной петровским реформам, мы, как правило, находим два равно неудовлетворительных их понимания. Часто они привычно объясняются волей и замыслом Петра, действующего как *deus ex machina*: монарх-демиург одновременно и создаёт возможности для проведения преобразований, взламывая своей волей политический и социальный контекст, и выступает в качестве главной и единственной движущей силы тех или иных индивидуальных изменений. Или же наоборот, реформы предстают как само собой разумеющееся движение к объективно существующему оптимальному решению, реализации которого препятствуют лишь недостатки исполнителей и несовершенство административной инфраструктуры. В крайнем своём выражении это невнимание к механике и движущим силам реформ приобретает форму некоторой эссенциализации преобразований, которые обретают собственную жизнь, превращаются в самопроизвольный процесс смены устаревшего прогрессивным, едва ли не в природное явление, развивающееся по некоторой своей внутренней логике. В скобках заметим, что фокус на «понятийной» стороне дела в рассматриваемом сборнике отчасти способствует такому пониманию. Если целенаправленное реформирование является характерной чертой Нового времени, то не начинается ли сама констатация этой модерности в известной мере освобождать исследователя от необходимости поиска конкретных механизмов реформ, не воспринимаются ли в этом случае реформы как само собой разумеющийся процесс, наступающий, когда «время пришло»?

Но если отказаться от представления о реформах «вообще», о реформах как аморфном самопроизвольном процессе, то следует признать, что любое столь абстрактное понятие как «петровские преобразования» складывается из конкретных институциональных изменений, которые собственно и описаны в сборнике. Речь может идти об изменении правил распределения или изъятия ресурсов, доступа в те или иные корпорации, к той или иной информации и тем или иным центрам принятия решений, иерархической соотносённости индивидуумов и ведомств и т.д. С этой точки зрения нет никакой разницы между «реформами» и «контрреформами», и точно так же нет разницы между «реформированием» и созданием новых институтов, поскольку введение модерного регулирования той или иной традиционной сферы также предполагает перераспределение ресурсов. При таком подходе у любой реформы неизбежно есть свои проигравшие и выигравшие, а любое институциональное изменение следует рассматривать как конкурентный процесс, в рамках которого участники инвестируют ресурсы – административные, символические, кадровые, финансовые и проч. – в достижение благоприятного для них результата.

В этом смысле не могут, конечно, признаваться удовлетворительными «стерильные» описания петровских реформ, где текстуальный анализ различных версий реформаторских документов не сопровождается анализом той политической борьбы, которая велась вокруг различных редакций каждого закона и регламента. Невозможно утверждать, что петровские деятели не осознавали, как то или иное нововведение, та или иная правка предлагаемых регуляций повысит или сократит имеющиеся у них полномочия, финансовые ресурсы, возможность доступа к государю. И действительно, при более внимательном рассмотрении институциональных изменений петровской (и не только петровской) эпохи неизбежно выясняется, что своим появлением и обликом они обязаны не абстрактному «государству» и «государственной политике», а инициативе отдельных акторов, развивавших соответствующие проекты в своих собственных целях (пусть даже и пользуясь для этого своим официальным положением государственного чиновника и государственными ресурсами). Цели эти могли быть разными, от религиозно- или культурно-миссионерских до карьерных и придворно-конъюнктурных, однако объединяло все эти случаи то обстоятельство, что «государственная политика» в данной области (если она вообще существовала) была не столько источником и двигателем проектов, сколько лишь общей рамкой для реализации индивидуальных и необязательно однонаправленных амбиций.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на модель институциональных новаций в науке, предлагаемую С.Л. Козловым в его работах, посвящённых становлению Практической школы высших исследований (ПШВИ) в Париже⁵⁶. Задаваясь вопросом о том, как вообще возможны были научные новации во Франции Нового и Новейшего времени, в условиях мощнейших институциональных блокировок, осуществляемых монополистом в лице университетской корпорации, автор приходит к выводу о ключевой роли операций по «институциональному шунтированию» – построению боковых каналов, позволяющих обходить эту институциональную блокировку. ПШВИ оказывается одним из примеров такого шунтирования, и именно с ней связаны едва ли не все ключевые прорывы во французских гуманитарных и социальных науках с середины XIX до середины XX в.

Построение таких институтов Козлов предлагает рассматривать как результат «интеллектуального предпринимательства». Опираясь на давнюю работу Дж. Бен-Дэвида в его книге «Роль учёного в обществе»⁵⁷, автор описывает такое предпринимательство как «“вертикальное” сложение усилий отдельных научных “антрепренёров” или научных клик (обычно соотносимых с теми или иными политическими тенденциями), с одного конца вертикали и усилий отдельно взятых администраторов и политиков – с другого её конца». Автор предлагает схему организации таких клик, в общем виде включающих «администратора», собственно реализующего проект; «прикрывающего» («политическая фигура или политическая сила, обеспечивающая проекту политическое прикрытие»); и «исполнителей»-экспертов, на мнение которых опирается «администратор».

⁵⁶ Козлов С.Л. Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: как была создана Практическая школа высших исследований // Пермяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 400–442; *он же*. Сообщество высочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 583–606.

⁵⁷ Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago; L., 1984. P. 105.

Далее, опираясь на эту схему, С.Л. Козлов показывает, благодаря чему стало возможным возникновение такой новаторской институции как ПШВИ, кто именно выполнял эти роли, какими мотивами они руководствовались и как сложилась именно такая констелляция игроков.

И хотя сам Бен-Дэвид полагал, что такой способ новаций уникален именно для французской модели организации науки, как справедливо отмечает Козлов, он выглядит до боли знакомым и специалистам по российской истории. Как представляется, размышления двух учёных о механизмах институциональных новаций во французской науке созвучны современным изысканиям в области прикладной политологии, где уделяется всё больше внимания движущим силам изменений и новаций в бюрократических системах. Такие системы, казалось бы, по самой своей природе, описанной ещё М. Вебером, должны были ориентировать чиновника на действия исключительно в рамках существующих правил и регламентов, на выполнение рутинных функций. Как же тогда они могут порождать новации, изменения? В поисках ответа на этот вопрос исследователи прибегают к аналогиям с процессами изменения и обновления в экономике. Здесь движущей силой изменений и новаций считается предприниматель, которого толкает к постоянному поиску новой рыночной конкуренция. В бюрократических же системах выделяется фигура «институциональных», «административных» или «бюрократических» предпринимателей – акторов, которые заинтересованы в тех или иных институциональных условиях и которые мобилизуют ресурсы (организационные, политические, финансовые и иные) для создания новых институтов или трансформации существующих⁵⁸. Формы такого предпринимательства, факторы, объясняющие возникновение таких предпринимателей и успех (или неудачу) их проектов рассматриваются в последнее время в ряде специальных работ⁵⁹.

Как представляется, модель «административного предпринимательства» как движущей силы реформ и, шире, строительства государственных институтов в целом особенно актуальна при осмыслении раннемодерного периода. В самом деле, институциональные реформы проходили здесь в условиях крайней слабости, даже рудиментарности административной инфраструктуры: если сегодня существуют целые «министерства реформ», специализированные бюрократические подразделения по выработке планов преобразований (в рамках которых обычно и трудятся административные предприниматели), то у Петра и его современников в Западной Европе таких подразделений не было. Удачный пример здесь – образовательная сфера: понятно, что никакого «министерства просвещения», которое могло бы выработать план создания новых школ и реализовать его, не существовало: соответствующую функцию государства, как и многие другие, предстояло в буквальном смысле изобрести. Неудивительно, что на первый план здесь выходят именно административные предприниматели в наиболее чистом виде – прожектёры, являющиеся характерной приметой той эпохи.

⁵⁸ *DiMaggio P.* Interest and agency in institutional theory // *Institutional patterns and organizations* // Ed. L. Zucker. Cambridge (Mass). 1988. P. 3–22.

⁵⁹ *Roberts N.C., King P.J.* Policy Entrepreneurs: Their Activity Structure and Function in the Policy Process // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175; *Mintrom M.* Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, 2000; *Teodoro M.P.* Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and the Innovative Administrator. Baltimore, 2011.

При таком подходе можно говорить о том, что именно прожектёрство, административное предпринимательство и формировало в значительной степени динамику институциональных изменений в России того времени. И действительно, при более внимательном изучении за любым институциональным изменением просматривается заинтересованный «предприниматель», который надеется в результате этих изменений получить полномочия, ресурсы, доступ к государю или возможность заслужить его благосклонность. Устойчивость же конкретного изменения зависит от способности этого предпринимателя привлечь необходимые ресурсы разного рода для его реализации, в том числе сформировать коалицию заинтересованных игроков, готовых поддержать новый статус-кво.

А что же в этом случае государь? Как кажется, в такой модели по отношению к реформам, к новациям и изменениям он может выступать в двух ипостасях. Во-первых, он определяет общий вектор прожектёрства и задаёт в общем виде границы возможного. Задача прожектёра в таком случае сформулировать невысказанную и, возможно, не осознанную ещё даже государем интенцию, в конкуренции с другими прожектёрами наиболее удачно попасть в тон размышлениям государя. Во-вторых – и это особенно хорошо видно именно в случае Петра – государь в некоторых (но далеко не во всех) случаях и сам выступает «первым прожектором государства», лично инвестируя время, средства, кадры в тот или иной проект, реализует его собственными руками.

Для понимания реформ в этом случае нам необходим конкретно-исторический анализ обстоятельств их проведения: во-первых, выявление этих самых административных предпринимателей, стоящих за преобразованиями акторов и их мотивов, во-вторых, изучение того, как и какие ресурсы они привлекали для реализации своих проектов. Попытка такого анализа предпринята мной в публикуемой в этом номере журнала статье, посвящённой становлению Навигацкой школы. История этого легендарного петровского учреждения при ближайшем рассмотрении оказывается историей предпринимательских усилий А.А. Курбатова и кружка позднемосковских книжников, реализовывавших культурную программу, которая совпадала с петровской лишь на очень узком временном отрезке и в силу скорее тактических соображений. Видно, как школа и её деятельность давали повод для продвижения материальных и карьерных интересов участников процесса. Непосредственный же вклад самого Петра в становление школы по источникам практически не просматривается.

Следует подчеркнуть, что изучение индивидуальных реформ как предпринимательских проектов ни в коем случае не противопоставляется изучению их идейной составляющей: одно совершенно не противоречит другому. Реализация даже самой «прогрессивной» реформы всё равно предполагает перераспределение ресурсов и полномочий, формирование коалиций заинтересованных игроков, а идеологические, концептуальные конструкции структурируют процесс предпринимательства, дают материал для формирования проектов. Как представляется, подобный подход может быть перспективным для понимания траектории развертывания и других реформ раннего Нового времени.

Материал подготовлен И.А. Христофоровым